

Шэнь Цинжань чувствовал себя так, словно он — свинья, которую вывели на рынок, и теперь ее придирчиво осматривают, прощупывая со всех сторон.

Сюэ Фэйфэн то приподнимал его, то снова ставил на землю. Бобы маша в сапогах Шэнь Цинжаня впивались в нежную кожу между пальцев ног, причиняя боль, похожую на уколы иголок.

Улыбаемся и машем.

Нет, не получается. Хочется плакать.

— Я же не свинья, из-за пары недостающих цзиней в цене не упаду! — Шэнь Цинжань плюхнулся на землю и наотрез отказался вставать.

Опять уселся на землю, стоит только разозлиться... Чистое дитя!

Сюэ Фэйфэн явно неправильно истолковал поведение Шэнь Цинжаня. Ему здесь и угостить-то его нечем, да и сказать «не сиди на земле» язык не повернулся.

Потому что стульев не было.

Сюэ Фэйфэн присел на корточки и внимательно всмотрелся в черты лица Шэнь Цинжаня. Всё то же родное, знакомое лицо. Ему так хотелось, чтобы время летело быстрее. Если бы Шэнь Цинжань мог просто подождать его на финише, он бы сам прошел весь этот путь за двоих — да он бы ползком туда добрался, если нужно!

Лишь бы его Жань-Жань не страдал.

— Здесь неудобно, пойдем ко мне в шатер, — сказал Сюэ Фэйфэн и уже потянулся, чтобы подхватить Шэнь Цинжаня на руки.

Услышав это, Шэнь Цинжань вспыхнул от негодования. Он уставился на Сюэ Фэйфэна надувшись:

— А неплохо ты тут в военном лагере устроился! И свита тебе прислуживает, и красавицы нежные вокруг вьются! Пожалуй, тебе стоит сменить имя на Сюэ Пингуй*. Наверняка вы из одного рода-племени: оба князья, оба воевать горазды, да и в остальном повадки один в один. И ты думаешь, я буду, как Ван Баочуань, пахать на тебя лет десять-восемь? Да ни за что!

Сюэ Фэйфэн, бабник несчастный!

(Примечание: Сюэ Пингуй и Ван Баочуань — персонажи известной китайской оперы. Ван Баочуань, дочь премьер-министра, отвергла богатых женихов ради бедного, но талантливого Сюэ Пингуя. Она ждала его 18 лет в нищете, пока он воевал, а он в это время женился на принцессе чужеземного государства. В конце он возвращается, и они живут втроем.)

Шэнь-Баочуань без умолку тараторил:

— Что это за девица? Как она вообще в военном лагере оказалась? Если сейчас начнешь врать про какую-нибудь «спасительницу», то между нами всё кончено, расходимся!

Что значит «расходимся»? Мы что, огурцы битые, чтобы нас так просто разбить и перемешать?

Сюэ Фэйфэн поспешно принялся оправдываться:

— Какой еще Сюэ Пингуй? Знать такого не знаю! Что за глупости ты несешь? Мы будем вместе всю жизнь.

Не знает — и слава богу. Шэнь Цинжань упорно продолжал допрос:

— А что за девушка в лагере?

— Какая девушка? — Сюэ Фэйфэн так спешил к Шэнь Цинжаню, что мчался, не разбирая дороги. Увидев в лагере Чан Мина, он не обратил внимания на девушку в желтом рядом с ним, а уж когда услышал, что приехал Шэнь Цинжань, и подавно забыл обо всем на свете.

— И ты еще смеешь отпираться?! Та самая, что вразвалочку зашла прямо к тебе в шатер! — У Шэнь Цинжана даже в груди закололо. У Сюэ Фэйфэна рыльце в пушку!

Только тогда Сюэ Фэйфэн припомнил, что, когда выходил из шатра, Чан Мин действительно с кем-то дрался. Кажется, это и вправду была женщина?

В тот момент он обсуждал дела с маркизом Юйчаном. Предки маркиза помогали первому императору основывать династию, а когда всё улеглось, ушли на покой, благоразумно вернув военную власть двору. Взамен они получили десять тысяч лян золота, несметное количество плодородных земель, домов и прекрасных наложниц на Юго-Западе. Из всех военачальников того времени только он один смог спокойно встретить старость.

В поколении нынешнего маркиза Юйчана титул уже давно превратился в пустую формальность, но накопленные предками богатства были весьма внушительны, а связи клана — глубокими и разветвленными по всему Юго-Западу. Чего им не хватало — того они и добивались. Каждое потрясение в империи — это возможность выбрать сторону и перетасовать карты. Маркиз Юйчан, улучив момент, сделал ставку на Сюэ Фэйфэна в надежде вернуться на политическую арену и привез с собой золото, серебро и драгоценности в знак поддержки.

Было лишь одно негласное условие: его дочь должна стать главной женой князя.

Сюэ Фэйфэн нуждался в провианте и жаловании для солдат, но ни за что не стал бы продавать свой брак.

Маркиз Юйчан отступил на шаг: пусть будет хотя бы второй (боковой) женой.

Шэнь Цинжань впился в Сюэ Фэйфэна своими прекрасными глазами:

— Так ты всё-таки собрался стать Сюэ Пингуем и взять в жены аристократку?

В эту эпоху история о Сюэ Пингуе и Ван Баочуань еще не была известна.

Может, легенда о Ван Баочуань берет свое начало именно с него?

Сюэ Фэйфэн берет двух жен, эта история передается из уст в уста, превращается в народное предание. Чтобы избежать проблем с властями, имена меняют до неузнаваемости, а поскольку первая жена была совершенно неизвестной, то со временем в преданиях перепутают и ее фамилию, и даже пол, превратив в Ван — распространенную фамилию.

Шэнь Цинжань от собственных фантазий раздулся от гнева, как рыба-фугу.

Сюэ Фэйфэн, видя, как тот стиснул зубы, то ли смеясь, то ли плача, осторожно разжал его челюсти:

— Дослушай меня. Я не согласился.

— Я уже говорил: взойду ли я на трон или стану разбойником — в этой жизни моей женой будет только Шэнь Цинжань.

Эта империя нужна ему ради Шэнь Цинжана. Зачем гнаться за второстепенным, жертвуя главным, и заставлять его страдать хотя бы на каплю?

Как красиво звучит.

Скажи еще что-нибудь в том же духе.

Глаза Шэнь Цинжана сузились в улыбке, кровь забурлила в венах, а щеки залил румянец. После более чем полумесяца работы от зари до зари, тревог и страхов, услышав эту единственную фразу от Сюэ Фэйфэна, он почувствовал, что все пережитые трудности того стоили.

Шэнь Цинжань был счастлив, словно ребенок, который почти доел леденец, но всё еще чувствует легкую сладость на кончике языка и то и дело облизывается.

Он обхватил Сюэ Фэйфэна за руку и потерся щекой о его подбородок:

— Мне? Быть женой предводителя разбойников? Размечтался!

Его глаза блестели, полные глубокого чувства, хотя во взгляде ясно читалось: «Я согласен».

Я надеюсь, ты поймешь...

Я не прошу взойти с тобой на вершину власти, мне всё равно, в императорском паланкине мы будем или в ослиной повозке. Лишь бы с тобой — хоть женой разбойника, хоть птицей-мандаринкой в загробном мире.

Как сейчас: сидеть вместе прямо на земле, под ногами — желтая пыль, над головой — синее небо, виднеющееся сквозь щели шатра, а рядом — ты. И в моих глазах — только ты.

Даже не думай когда-нибудь оставить меня.

Сюэ Фэйфэн посмотрел на него. Мысли молнией пронеслись в голове, дыхание стало тяжелым. Он с силой прижал Шэнь Цинжана к себе. Его грудь дрожала, когда он хрипло выдавил из себя:

— Я был неправ.

Он недооценил глубину чувств Шэнь Цинжана, запутался в собственных домыслах. Сюэ Фэйфэн крупно ошибся.

Он подхватил Шэнь Цинжана на руки и зашагал вперед:

— Идем ко мне.

Внезапно оторвавшись от земли, Шэнь Цинжань испуганно вцепился в шею Сюэ Фэйфэна:

— Кругом люди, опусти меня!

Ему вовсе не хотелось стать завтрашней темой для шуток во всем лагере.

— Где ваш генерал?!

— Врываться в военный лагерь — преступление, караемое смертью!

— Юэ-эр...

Снаружи нарастал шум, направляясь прямиком к их шатру. Сюэ Фэйфэн остановился, встретился с гневным взглядом Шэнь Цинжаня и опустил его на землю.

Шэнь Цинжань откинул полог и оказался лицом к лицу с той самой надменной барышней, которой преграждал путь Чан Мин.

Увидев Сюэ Фэйфэна, глаза Мужун Юэ мгновенно покраснели:

— Ты взял деньги моего отца! Почему ты отказываешься жениться на мне?!

Маркиз Юйчан поспешил извиниться:

— Прошу прощения, князь, я не смог должным образом воспитать дочь.

Грубо говоря, у него были только деньги. А у Сюэ Фэйфэна — власть, влияние и армия, так что переманивать его на свою сторону, отдавая ему в жены дочь на правах законной супруги, не было никакой нужды. Маркиз с самого начала метил на место второй жены. Какому мужчине не понравится идея наслаждаться прелестями сразу нескольких красавиц?

Но Сюэ Фэйфэн был непреклонен, словно каменная стена. Что бы ему ни говорили, вид у него был один: «Забирай свои деньги и проваливай». Маркизу пришлось замять этот вопрос, лишь заверив, что он всецело поддерживает князя. Брак дочери — дело наживное, получится — хорошо, а нет — так и ладно, это не мешает маркизу через Сюэ Фэйфэна проложить себе дорогу в высшие круги столицы.

— Потому что ты не умеешь ни пахать землю, ни рубить дрова, ни ловить рыбу... — Шэнь Цинжань вышел вперед. Его голос звучал твердо и гипнотизирующе: — Ты ничего этого не умеешь, поэтому генерал на тебе и не женится.

— Кто сказал, что не умею? Я могу научиться! — Мужун Юэ посмотрела на Шэнь Цинжаня. — А ты вообще кто такой?

Шэнь Цинжань усмехнулся:

— Ты сможешь вытерпеть посадку риса по колено в грязной воде? Когда дождевые черви извиваются у тебя между пальцами ног, а пиявки, жадные до крови, впиваются в твои икры — по пять-шесть штук на каждую ногу...

«Я вот не могу», — мысленно добавил Шэнь Цинжань.

Мужун Юэ побледнела и закрыла уши руками:

— Замолчи!

— А когда рубишь дрова, муравейник падает прямо тебе на голову, и черная туча муравьев, словно дождь, осыпает тебя с ног до головы и кусает... Или, может, тебе больше по душе

зимой, когда озеро замерзнет, босиком лезть в ледяную воду ловить рыбу? А летом, в самый солнцепек, по четыре стражи (восемь часов) подряд жариться на поле под палящим солнцем?

Мужун Юэ родилась с серебряной ложкой во рту. Даже пробраться в военный лагерь ей не составило труда — стоило лишь назвать имя отца и сунуть стражникам у ворот пару золотых слитков.

Она боялась трудностей даже больше, чем Шэнь Цинжань. Услышав эти живописные картины, она решила, что это всё равно что смерть. В ужасе она даже забыла поразмыслить, с какой стати жене Сюэ Фэйфэна вообще нужно всё это уметь.

— Отец, пошли отсюда! — Мужун Юэ, бледная как полотно, потянула маркиза Юйчана за рукав.

На нее снизошло озарение: этот жалкий военный лагерь ни в какое сравнение не идет с ее домом. Она выйдет замуж за богатого, в чьем доме не будет ни одного муравья!

Шэнь Цинжань, заложив руки в рукава, с улыбкой смотрел вслед удаляющейся Мужун Юэ. С первого взгляда он понял, что эта заносчивая девчонка в чем-то очень на него похожа — даже маленькую лужицу размером с ладонь предпочтет обойти стороной. Пары страшных сказок хватило, чтобы ее отпугнуть.

Далеко не все готовы ради Сюэ Фэйфэна терпеть лишения, как он!

Шэнь Цинжань без зазрения совести нахваливал сам себя, напрочь забыв о том, кто это вопил что есть мочи, наступив на дождевого червя, и требовал, чтобы Сюэ Фэйфэн носил его на спине во время работы в поле.

— Как она сюда попала? — спросил Шэнь Цинжань у Чан Мина.

Чан Мин уже всё выяснил и доложил как есть.

Шэнь Цинжань холодно усмехнулся:

— Переход от Северо-Запада до Цинчжоу, несомненно, был тяжелым, но дисциплину распускать нельзя. Стражникам, пропустившим их, дать по двадцать ударов палками при всех, а конфискованное золото... — Шэнь Цинжань перевел взгляд на Чан Мина, чьи волосы после стычки с Мужун Юэ торчали во все стороны: — Отдать тебе в качестве награды.

Деньги свалились как снег на голову! Да за такое можно и стерпеть пару царапин.

— Благодарю, господин Шэнь... — Чан Мин поспешно скосил глаза на генерала. Ой, чуть не забыл, кто тут настоящий хозяин.

Сюэ Фэйфэн:

— Сделать так, как сказал Жань-Жань.

Он повернулся к Шэнь Цинжаню, кивком приглашая его следовать за собой, и кашлянул:

— Мне нужно обсудить с Жань-Жанем важные дела. Охраняйте вход, никого не подпускать.

— Слушаюсь! — ответил Чан Мин.

Чан Бай, который наконец-то вернулся с поручения, с удивлением обнаружил, что сестра и двое братьев преграждают путь к главному шатру. Он замешкался и остановился поодаль, наблюдая.

Ничего хорошего эта троица не сулила.

Чан Чань поманила его пальцем:

— Давно не виделись. Дай-ка сестра посмотрит, не похудел ли ты.

Зная, что это явный предвестник побоев, Чан Баю всё же пришлось подойти — приказ сестры есть приказ.

— Совсем страх потерял? Приказы раздаешь, чтобы твою старшую сестру схватили? — Чан Чань обеими руками вцепилась ему в щеки. — И госпожу тоже посмел арестовать.

Чан Мин, не упуская случая позлорадствовать, в красках обрисовал ситуацию. Чан Бай понял, что оказался в скверном положении.

— И ущипнуть-то как следует не за что, — разочарованно отпустила его щеки Чан Чань. — У маленького князя щеки были куда приятнее на ощупь.

Чан Бай: «...»

На ощупь? И как он сам до этого не додумался! В следующий раз перед встречей с этой дьяволицей просто не будет умываться. Чан Бай сохранил эту ценную мысль в секрете, не собираясь делиться ею с наслаждающимся шоу Чан Мином.

...

Шэнь Цинжань медленно тащился вслед за Сюэ Фэйфэном.

Средь бела дня, звукоизоляция в палатке нулевая, да еще и эхо от гор наверняка разносится.

Нельзя же так позориться!

— У меня еще есть дела, я пойду... — Шэнь Цинжань уже собирался дать задний ход прямо у входа в шатер. У него и вправду были дела — нужно сажать помидоры!

— Ах! — Захваченный врасплох, он был втянут внутрь. Полог шатра скользнул по щеке, и, когда он снова смог рассмотреть обстановку, то обнаружил, что Сюэ Фэйфэн уже держит его на руках.

В жилище Сюэ Фэйфэна не было ничего, кроме постели из шкур на земле и длинного стола. На столе, разумеется, лежала карта, так что положить человека туда было нельзя. Видя, как стремительно приближается лежанка на полу, Шэнь Цинжань запаниковал. Мало того, что условия были совершенно неподходящими, так еще и в сапогах у него всё еще болтались три цзиня мasha!

— Будешь приставать — укушу! — прошипел Шэнь Цинжань.

— Кусай, — хрипло отозвался Сюэ Фэйфэн. Он не собирался делать ничего такого в военном лагере — не то место и не то время. Но раз уж он во всем разобрался, то и сдерживать себя не видел смысла. Он подозревал, что Шэнь Цинжань втайне занимался сельским хозяйством, но

доказательств у него не было. Словам Шэнь Цинжана о том, что «мясоросло в других местах», он не верил.

Чем больше нервничаешь, тем больше шансов ошибиться. Шэнь Цинжань, изо всех сил пытаясь скрыть секрет в своих сапогах, так яростно сопротивлялся, что нечаянно сбросил один из тяжелых сапог.

Шурх-шурх-шурх — маш мгновенно рассыпался по полу.

Зеленые бобы продолжали сыпаться из штанины, словно небесные цветы.

В воздухе повисла неловкая пауза. Шэнь Цинжань, решив, что терять уже нечего, сбросил и второй сапог. И снова раздался этот предательский шорох.

Это называется явка с повинной и чистосердечное признание.

Маш подпрыгивал у ног Сюэ Фэйфэна, устилая пол зеленым ковром. И тут до генерала наконец дошло, почему человек на его руках стал легче на несколько цзиней.

Сюэ Фэйфэну никогда было не угнаться за изобретательностью Шэнь Цинжана.

Похудел — значит похудел, а он еще и бобами вздумал его обманывать! И не больно же было ногам?!

Увидев натертые докрасна ступни Шэнь Цинжана, Сюэ Фэйфэн почувствовал укол в сердце. Он усадил его на меха и взял за лодыжку.

Шэнь Цинжань резко отдернул ногу, сел по-турецки и, нервно облизав губы, сказал:

— Дай мне объяснить.

— Слушаю, — в глазах Сюэ Фэйфэна смешались гнев и нежность, и было непонятно, какое из этих чувств берет верх.

Что, черт возьми, себе думают Чан Чань и остальные?! Ни единой весточки!

Он был словно слепой и глухой, не имея ни малейшего понятия о том, что происходит с Шэнь Цинжанем! Человек уже до самого военного лагеря добрался, а он всё думал, что тот послушно сидит в Миньчжоу!

Шэнь Цинжань умирал от страха. Ему самому-то самое страшное, что грозило — это получить по мягкому месту от Сюэ Фэйфэна. А вот братья и сестра Чан снаружи были подчиненными генерала...

— На самом деле, я не ученик Божественного Земледельца, — с серьезным видом заявил Шэнь Цинжань. — Слышал когда-нибудь о духах-оборотнях из маша?

Ни слова правды! Сюэ Фэйфэн не выдержал, перевернул Шэнь Цинжана и звонко шлепнул его по задку.

— Правда! Я дух маша! Как только занервничаю, с меня тут же начинают сыпаться зеленые бобы! — Шэнь Цинжань не сдавался.

Хлоп!

Со слезами на глазах Шэнь Цинжань продолжил:

— Помнишь подушку, набитую машем, которую я тебе дал? Это часть моего тела! Я могу чувствовать, где они находятся, поэтому и просил замачивать по три штуки каждый день. Иди и взвесь эти бобы — спорим, там ровно пять цзиней!

Сюэ Фэйфэн почти поверил, но лишь почти. Если следовать логике Шэнь Цинжана, то, отдав ему пять цзиней бобов, он должен был сразу похудеть. Но когда он отдавал ему подушку, с ним же всё было в порядке?

Сюэ Фэйфэн схватил Шэнь Цинжана за руку и стал осматривать палец за пальцем. И чем дольше смотрел, тем больше сжималось его сердце.

А что в других местах?

До чего еще он себя довел?

Когда верхняя одежда была снята, разница в цвете кожи на шее и груди стала очевидной.

Шэнь Цинжань от природы был белокожим. И хотя он немного загорел, на фоне грубых солдат он всё равно казался ослепительно белым.

Всё познается в сравнении.

На лопатках, где кожа постоянно прела от пота и терлась о волосы, появилась небольшая потница. Сейчас стало лучше, но краснота еще не сошла.

— Чем ты вообще занимался?! — Сюэ Фэйфэн прижал Шэнь Цинжана к груди и прорычал ему на ухо.

Одежда Шэнь Цинжана наполовину сползла. С растрепанными волосами и белоснежной кожей, он был похож на ослепительную красавицу, которую тигр утащил в свое логово. Внизу — грубые меха на соломе, а рядом — разъяренный генерал.

Он попытался отодвинуться и робко попросил генерала держать себя в руках.

— Ты и впрямь оборотень! — Сюэ Фэйфэн с силой ущипнул себя за бедро, лишь бы сдержать порыв наброситься на Шэнь Цинжана и безжалостно затискать его.

— Оборотень из маша! — с готовностью поддакнул Шэнь Цинжань.

Черт бы всё побрал, не сдержавшись, мысленно выругался Сюэ Фэйфэн. Этот Шэнь Цинжань точно послан ему в наказание.

<http://bllate.org/book/17933/2086040>